

На следующий день стало ясно: Чу Шаоян прошел «краткий курс» у настоящего мастера интриг. Способы изводить людей посыпались из него как из рога изобилия.

Вскипятить воду, принести воды, собрать хворост, приготовить еду, вымыть посуду... Каждое поручение давалось с таким видом, будто в мире не осталось ничего, кроме бесконечной работы, способной свести в могилу любого.

Чжоу Гэнгэн и Чжоу Чжунсинь пытались помочь втайне, но действовать приходилось осторожно, чтобы не навлечь подозрений. В итоге большую часть черной работы Фу Сияню приходилось тянуть самому. Два дня подряд он почти не смыкал глаз. Несколько раз он даже засыпал в седле и едва не летел кувырком на землю.

Чжоу Гэнгэн по этому поводу ворчал не замолкая. От него Сиянь и узнал, что перед самым отъездом Фу Сюань, переступив через гордость, преподнес Чу Гуану щедрый дар. Тот подношение принял, наговорил кучу любезностей, а на деле — вон как обернулось. Если так пойдет и дальше, то к моменту прибытия в Лоян от его былой дородности останется лишь горстка серой пыли.

Сиянь размышлял над этим и так и эдак, понимая: сидеть сложа руки больше нельзя.

Оценив свое плачевное положение, он преисполнился скорби и невольно сочинил в уме короткий речитатив:

Коль над головой твоей дырявый кров,

А с неба сыплется труха из кирпичей,

Не жди, пока тебя придавит грузом дров —

Ищи-ка зонт побольше да прочней.

А где найти его?

Гляди туда, где шатер побогаче!

В этот миг Сиянь впервые искренне поблагодарил судьбу за свою былую оплошность. Если бы тогда в таверне «Цзыцзуй» он не «положил глаз» на Лоу Байчжэня, то ни за что не встретил бы Третьего принца, а уж тем более не сидел бы с ним за одним столом, болтая о всякой всячине.

Вспоминая те изысканные, филигранные комплименты, что он отвечивал за обедом, Сиянь убеждал себя: принц наверняка до сих пор пребывает в восторге. Стоит лишь подстроить «случайную» встречу, и они быстро восстановят прежнее знакомство.

Впрочем, Третий принц верхом ехал только в первый день, а всё остальное время проводил в карете вместе со своей супругой. Сиянь пару раз объехал кортеж кругом, заметил несколько удобных лазеек и уже готовился под покровом сегодняшней ночи совершить свой маневр, как вдруг в лагере поднялся переполох. Шум доносился со стороны, где расположились семьи.

Сердце Сияня екнуло. Неужели с принцем что-то стряслось?

Пока люди гадали, полные тревоги и дурных предчувствий, прибыл Чу Шаоян. Чу Гуан не стеснялся в проявлении фаворитизма и уже успел произвести его в сотники. И хотя столичный чин был высок, нынешнее начальство — всегда важнее, так что авторитет Шаояна среди подчиненных был неоспорим.

Не тратя времени на лишние слова, он отобрал группу опытных воинов из бывших Юйлиньвэй, бросил короткое «охранять лагерь» и стрелой умчался прочь.

Остались в основном такие же «новички», как Фу Сиянь — те, кто попал в гвардию по знакомству. Народ всё молодой, со связями, но напрочь лишенный служебной мудрости. Они наивно полагали, что служба здесь подобна жизни в Цзиньвэй: пока начальства нет на месте, можно без зазрения совести чесать языками.

Слухи поползли один нелепее другого.

Сиянь, Впрочем, на них не отвлекался. Воспользовавшись тем, что «надзиратель» скрылся, он поспешил наверстать упущенное и завалился спать.

Перед тем как провалиться в сон, он слышал версию о внезапном недомогании принцессы. Когда же он проснулся, история обросла пикантными подробностями: якобы принца застали в объятиях дочери какого-то чиновника из Министерства работ. Супруга, став свидетельницей сего бесчинства, от гнева и обиды извергла три чаши крови, лекари развели руками, и теперь Чу Шаоян помчался за знаменитым чудотворцем.

Сиянь только успел подумать, что в этой басне нет ни капли логики — какой еще «знаменитый лекарь» может найтись в глуши, если даже столичные врачи бессильны? — как кто-то тут же услужливо досказал легенду:

— Вы просто не знаете! Совсем рядом отсюда находится городок Пэйцзе, а в нем — Усадьба Ивового Дерева. Каждый год в пору Цинмина хозяин усадьбы устраивает Собрание Всеобщего Спасения: созывает врачей, чтобы те бесплатно лечили бедняков и раздавали снадобья. И так повелось из поколения в поколение. Слава об этом месте разносилась повсюду, и многие великие мастера медицины осели там в уединении. Со временем городок превратился в обитель знахарей, куда ежедневно стекаются толпы страждущих.

Стоило ему упомянуть название, как многие вспомнили это место. Сиянь и сам припомнил, что семья как-то приглашала к нему лекаря — кажется, именно из Пэйцзе.

Теперь, когда у истории появилось реальное место действия, люди смаковали подробности похождения принца с еще большим воодушевлением.

Одни поносили бесстыжую девицу, другие завидовали мужской удаче принца, третьи — качали головами, осуждая супругу за излишнюю ревность и узость души.

Сиянь не знал, есть ли поблизости люди принца, но решил, что отмалчиваться будет подозрительно.

— А этот сотник Чу — он что, языка лишился или денег пожалел? Зачем ему целая толпа воинов, чтобы лекаря позвать? Видать, для храбрости прихватил. Да и не факт, что врачи из Пэйцзе такие уж умельцы.

Кто-то из гвардейцев недовольно возразил:

— Откуда тебе знать?

Сиянь усмехнулся:

— Я к ним обращался.

Внимание толпы мгновенно переключилось. Всем стало до смерти любопытно: зачем такому молодому парню, как Сиянь, понадобились лекари?

Обычно в древности вопросы похудения старались не афишировать, но для Сияня это была благодатная тема для общения и взаимной поддержки. Он тут же пустился в пространные рассуждения.

Диковинные тренажеры, причудливые диеты... Слушатели только рты разевали от изумления.

Пока Сиянь делал глоток воды, чтобы смочить горло, кто-то озвучил вопрос, мучивший всех присутствующих:

— Так почему же ты не похудел?

Вода в горле Сияня вдруг стала горькой на вкус. Он тяжело вздохнул, глядя в небо:

— Если бы я сам знал ответ!

— А я вот знаю один рецепт лечебного отвара, — подал голос один из товарищей. — Моя тетка пробовала, эффект был потрясающий. Только я не всё помню, надо будет разузнать при случае.

— У моей матушки тоже был какой-то способ, она сестре его передала. Я тоже спрошу для тебя.

В убогом лагере вдруг воссиял свет боевого братства. Никто, кроме Сияня, и не заметил, как тема разговора свернула в сторону так круто, что никакой ураган бы не вернул её в прежнее русло.

После завтрака все собрали вещи, готовясь к отъезду, но только к полудню один из всадников вернулся и галопом поскакал напрямик к шатру Третьего принца.

Даже самым недогадливым стало ясно: дело пахнет керосином. Разговоры разом смолкли. Над лагерем повисла тягостная тишина, нарушаемая лишь пением птиц да мерным хрустом травы под челюстями лошадей.

Насмотревшись в свое время сериалов и начитавшись книг, Сиянь тоже начал строить догадки. Вариантов-то немного: покушение, предательство, драка, яд, внезапная болезнь, кража или кто-то потерялся... Стандартный набор.

В любом случае, под удар попадала голова Чу Гуана, а не его собственная. Сиянь с безмятежным видом прилег, собираясь вздремнуть после обеда, но стоило ему закрыть глаза, как его бесцеремонно растолкал приближенный Чу Гуана.

— Командующий вызывает.

«Ох, не к добру это... Словно лиса в гости к курам пожаловала — жди беды».

Сиянь потер веки, зевнул, отпил воды и только после этого, не спеша, побрел следом.

Посланец опешил:

— Ты... чего копаешься!

Сиянь с достоинством ответил:

— Иду на встречу с высшим чином — дело величайшей важности! Будь у нас тут приличные условия, я бы сперва три дня совершал омовения и воскурял благовония.

«Черта с два я тебе поверю!» — подумал провожатый.

Сиянь шел за ним, впервые перебираясь с окраины лагеря в самую его гущу. Он заметил, что охрана здесь усилена: стража стояла на каждом шагу, обстановка была куда строже обычной.

Жаль только, что по пути не встретились Чжоу Гэнгэн или Чжоу Чжунсинь. Случись с ним что — даже за подмогой послать некому.

От этой мысли он невольно замедлил шаг. Посланец, зорко следивший за каждым его движением, тут же обернулся и гневно сверкнул глазами.

Сиянь устало выдохнул:

— Притомился я, сил нет.

— Да тут всего пара шагов! — возмутился тот.

— Тебе-то что? — обиженно протянул Сиянь. — Ты сам по себе идешь, а я на себе словно троих тащу. Есть разница?

Посланец взглянул на его внушительную фигуру и на мгновение лишился дара речи. Пройдя еще несколько шагов, он вдруг сообразил: ноги-то у Сияня толстые, как у слона, одна за троих сойдет — так в чем же, собственно, разница?

Но шатер был уже перед ними, и этот блестящий ответ так и остался невысказанным.

Он еще раз недовольно зыркнул на Сияня.

Тот лишь плечами пожал. «Подумаешь, прошли вместе пару чжанов, а у него такой вид, будто я его обрюхатил и бросил. Откуда столько скорби во взоре?»

Впрочем, внимание Сияня быстро переключилось на странную атмосферу вокруг шатра.

По идее, это был лагерь Чу Гуана, и снаружи должны были стоять его цзиньивэй. Но, судя по всему, людей из личной охраны принца здесь было куда больше, и стояли они на самых ключевых постах. Даже если принц зашел в гости, такой караул выглядел явным посягательством на территорию хозяина.

Сиянь покосился на провожатого, но тот сделал вид, что ничего не замечает. Велел ждать у входа, а сам нырнул внутрь. Через минуту он вышел в сопровождении воина.

Сиянь узнал его — это был тот самый гвардеец, что уехал вчера с Чу Шаояном и сегодня вернулся в одиночку.

Заметив его бледное, осунувшееся лицо, Сиянь хотел было расспросить о новостях, но провожатый уже настойчиво подталкивал его внутрь шатра.

Войдя, Сиянь быстрым взглядом оценил обстановку.

Третий принц властно восседал на главном месте, а хозяин шатра, склонив голову, прилежно собирал с пола разбросанные книги. Тишина в помещении была настолько густой, что казалась почти осязаемой и зловещей.

Сиянь набрал в грудь воздуха, готовясь изобразить на лице «крайнее изумление», но в этот момент принц отбросил мрачность и приветливо, словно старому другу, бросил:

— А, Сиянь пришел. Не думал, что мы едем вместе столько дней, а увидеться довелось только сейчас.

Глядя на его лицо, которое буквально кричало: «Хватит ломать комедию, я-то знаю, что ты давно меня узнал», Сиянь молча подавил в себе так долго репетируемую гамму чувств: от «потрясения» и «недоумения» до «неверия», «восторга» и «глубочайшего почтения». Он просто скромно встал в сторонке.

Чу Гуан наблюдал за этим со стороны с холодной, ядовитой усмешкой.

— Если бы не Его Высочество, я бы и не догадывался, что мой дорогой племянник — старый знакомый принца. Знай я об этом раньше, давно бы перевел тебя поближе к Его Высочеству.

Раньше Сиянь сам хотел искать защиты у принца, рассчитывая на его милость в память о былом знакомстве. Но теперь всё выглядело так, будто принц сам жаждет «протянуть ему руку помощи».

А значит, чаши весов качнулись в другую сторону. Сияню не хотелось думать о людях плохо, но человеческое коварство порой превосходит даже самые мрачные фантазии праведников.

Скромный Сиянь ответил тихим и смиренным голосом:

— Нам лишь однажды довелось встретиться.

— Происходишь из верной и преданной семьи, да еще и отмечен вниманием Его Высочества, — вкрадчиво проговорил Чу Гуан. — Сразу видно — и характер, и удача при тебе.

Сиянь почувствовал неладное. Когда начальство начинает рассыпаться в похвалах — жди беды: значит, на тебя хотят спихнуть поручение, от которого все остальные бегут как от чумы. Он поспешил вставить:

— Куда мне до талантов брата Шаояна. Тьфу!

Чу Гуан криво усмехнулся:

— К чему эта скромность? Помнится, когда вы состязались в Юйлиньвэй, Шаоян и ты разошлись миром.

«Ну вот и пришло время платить по счетам...» — подумал Сиянь. — «Отец всегда твердил, что дети — это сплошные долги. Неужто Чу Гуан решил признать во мне своего родителя?»

Не зная, что ответить, он с надеждой воззрился на другого властелина в этой палатке.

Третий принц, превратно истолковав его взгляд, тут же подтвердил:

— Я, конечно же, верю тебе. Если уж тебе нельзя доверять, то я и вовсе не знаю, на кого в этом мире можно положиться.

«Эх, не на того я ставил...» — пронеслось в голове у Сияня. — «Опора-то крепкая, да только под ней — сплошные ямы».

<http://bllate.org/book/15317/1354474>